

Встречи с парижанами

Советское искусство вызывает за рубежом живейший интерес. Вокруг наших спектаклей и концертов развертываются обычно бурные споры. Правдивое, жизнерадостное, реалистическое искусство нашей страны никого не оставляет равнодушным. Друзья радуются нашим достижениям, враги стараются выискать недостатки.

То же самое произошло и в дни гастролей балетной труппы Музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, в которых участвовали Г. Рождественский и я.

Борьба страстей и мнений разных слоев общества сразу приобрела острый характер. На премьере присутствовал «весь Париж» — министры, сенаторы, генералы, выдающиеся артисты. Едва открылся занавес, как зрительный зал разразился аплодисментами. Зрители искренне восхищались декорациями. Успех возрастал от сцены к сцене, от картины к картине. Под конец артистам устроили овацию.

Видимо, этого не ожидали наиболее реакционные театральные критики. Зная, что в Париж приехал не первый по положению в искусстве московский театр (об этом прямо писали в газетах), некоторые рецензенты предположили, что у избалованной парижской публики он не будет пользоваться особым успехом. А тут вдруг овации! И кто их устраивает — «высший свет»? Что же будет, когда в театр придет рядовой зритель? Это, повидому, и предопределило первые отклики нескольких крупных буржуазных газет. На следующее утро они, игнорируя мнение и оценку зрителей и прогрессивной печати, выдвинули целую серию обвинений в адрес театра.

Декорации и костюмы, — утверждали эти критики, — старомодны, хотя и соответствуют эпохе, в которой развиваются события в балете. Театр упрекали в том, что он привез спектакль, который Париж видел еще 40 лет назад; отсюда критики делали вывод, что советский балет застыл на месте, не создает новых художественных ценностей.

Мы тщетно искали делового разбора режиссерской экспозиции и исполнения балета «Лебединое озеро». Никто, правда, не решился упрекнуть артистов в том, что они плохо танцуют, никто не мог сказать, что спектакль неинтересен. Более того, газеты единодушно признавали безусловные достоинства второго и четвертого актов.

Возможно и такое «Лебединое озеро», — говорили критики, — можно и так его ставить, но это вчерашний день искусства. Нельзя во второй половине XX века танцевать так, как в его начале. Необходимы новый стиль, новые формы танца.

Мужественно танцуют мужчины, — негодовали рецензенты. — Артист балета тем, мол, и отличается от простых смертных, что он должен быть более жантильным.

Во всех этих рассуждениях сквозило полное отрицание классических форм хореографии, преемственности традиций. Буржуазные газеты твердили: в наши дни нужен новый, современный балет, ничем не похожий на прежний. Хотите увидеть новое — идите в Гранд Опера, посмотрите спектакли, поставленные президентом академии танца С. Лифарем.

Мы воспользовались этим советом, пошли на балеты «Федра» и «Мираж», увидели так называемые «новые формы» западной хореографии. Увы, это были все те же декадентские вывихи, которые с предельной ясностью заклеил Антон Павлович Чехов еще в начале века. Он сказал: «Жулики они, а не декаденты! Гнилым товаром торгуют... Религия, мистика и всякая чертовщина! Вы им не верьте...».

Нынешние модернисты повторяют то, что у нас в балете в свое время пытался насаждать Лукин и другие балетмейстеры-формалисты. Никаким шагом вперед эти формалистические изыски назвать нельзя.

«Новые формы» — это изломанные, неврастенические линии, техника ради техники, преобладание ее над здравым смыслом и содержанием. Советский зритель отверг их еще в двадцатых годах.

Разговор о мнимом приоритете западного балета над советским в лучшем случае — пустой самообман. Гастроли в Париже убеждают, что

советский балет, воспитанный на классических традициях русской хореографии, воспринявший и развивший реалистический стиль исполнения, идет по правильному пути. Он показывает человека, его психологию, его эмоции ярким, выразительным, кристально чистым хореографическим языком, доступным пониманию любого человека, независимо от положения, занимаемого им в обществе.

Парижане, разойдясь в оценке достижений советского балета с наиболее реакционными газетами, остались верны нам до конца — они продолжали посещать наши спектакли и принимали их горячо. Больше того, спустя несколько дней ряд газет выдвинул следующее, не лишнее остроумия положение: «Не везь газетам и критикам, пойдй в зал Шатле и посмотри спектакль сам. Ты не пожалеешь об этом». Многие парижане послушались этого совета. Они покидали спектакль убежденными в том, что буржуазные критики не отражают истинного положения.

Я не собираюсь обвинять всех французских критиков в преднамеренном извращении истины, хотя были и такие. Дело, на мой взгляд, обстоит глубже. У одних рецензентов непоправимо испорчен вкус, другие долго не имели возможности сопоставить две школы — западную и советскую, разобратся в них, составить собственное мнение. Поэтому их первые статьи были односторонними.

В споре рецензентов и зрителей победил последний; журналисты под воздействием общественного мнения вынуждены были вскоре забить отбой, признаться в том, что ошиблись, не разобрались, не поняли, в чем художественная сила и преимущества советской хореографической школы. Последние спектакли прошли с триумфом. Могу засвидетельствовать, что толпы парижан добивались хотя бы входных билетов на прощальные восемь спектаклей.

В некоторых первых рецензиях писали, что советский балет не выдерживает сравнения с тем, что показывала в Париже труппа С. Дягилева. На банкете, устроенном французами в честь солистов театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко, присутствовали престарелый художник М. Ларионов, сотрудничавший с А. Бенуа в труппе С. Дягилева, и известный балетмейстер Л. Мясин, работающий главным образом в Соединенных Штатах Америки.

— Я старик, и мне чет никакого смысла кривить душой, — сказал нам М. Ларионов. — Никогда и ничего подобного у Дягилева не было. Если кто-нибудь станет говорить вам, что он привозил спектакли лучшие, чем ваши, не верьте.

О несомненных достоинствах спектакля говорил и Л. Мясин, подчеркнув при этом, что в Америке современный балет рассчитан на изощренные вкусы ограниченного круга зрителей.

Не лишне будет упомянуть, что солистки Гранд Опера Шовере, Дарсанваль, Вырубова, премьер балета Мишель Рено и другие посещали все наши репетиции, участвовали в тренировках в классах и добросовестно изучали особенности советской исполнительской школы.

Французы интересовались, когда в Париж придет балет Большого театра. Многие говорили мне:

— До скорого свидания в Лондоне! Мы обязательно приедем туда, чтобы посмотреть спектакли Большого театра.

Сейчас, когда подготовка нашей труппы к гастролям в Англии закончилась, когда в Лондоне уже успешно идет продажа билетов, всем нам следует составить ясное представление о том, что происходило в июне в Париже. Это поможет увереннее, лучше провести спектакли, показать со всей идейной и художественной полнотой завоевания советской школы балета. Жизненная правда и классический язык танца придутся по душе английскому зрителю, он оценит плодотворные усилия со всей искренностью и доброжелательством. А если среди рецензентов найдутся люди, не согласные с реалистическим направлением советской хореографии, это не изменит существа дела. Верховным судьей искусства является зритель.

Ю. КОНДРАТОВ,
заслуженный артист РСФСР.